

Евгений Яблоков

Мотив переименования персонажа в произведениях Андрея Платонова

Abstract: The subject of this article is the renomination, or renaming, of characters in Platonov's works. The analysis proves that the instances of renaming imply a "repersonification," a true change of personality, a definitive internal metamorphosis or transformation into another person. Thus, renaming is not an external, formal act; it is connected with existential problems and, ultimately, with the general conception of Platonov's world. Examining the practice of renomination allows us to see more clearly the fundamental problems of Platonov's poetics, the essence of his language and philosophical thinking. Onomastic collisions demonstrate in a peculiar way the "relativity" of the writer's Word – a Word that is ambivalent in combining aphorism and auto-parody, that is able to reflect the world's deepest essence while remaining "internally" ready to turn into its opposite.

Keywords: Andrei Platonov, poetics, existential problems, renomination, repersonification

Одним из популярнейших в Советской России был лозунг создания «нового человека», понимавшийся не только в духовном, идейно-воспитательном, но и в биологически-«видовом» смысле¹. Эта тема довольно активна в публицистике Платонова первой половины 1920-х годов – например, присутствует в статьях «Луначарский» (Платонов 2004: 51), «Свет и социализм» (Платонов 2004: 220), «Питомник нового человека» (Платонов 2016: 371–376) и др. «Обновление» человека в пла-

1 Ср. перспективу коммунистического будущего в книге Л. Д. Троцкого *Литература и революция* (1923): «Человек примется наконец всерьез гармонизировать себя самого. [...] Человеческий род, застывший homo sapiens, снова поступит в радикальную переработку» (Троцкий 1924: 193).

тоновской картине мира соединяет социально-экономический и психолого-педагогический дискурсы с евгеническими интенциями в духе Н. Ф. Федорова. При этом характерно, что в «Рассказе о многих интересных вещах» мастерские «прочной» и «бессмертной плоти» (1: 376, 379²) именуется «институтом по индивидуальной антропотехнике»³ (1: 376) – подразумеваются не только грядущий прогресс человека как вида, но преобразование конкретного «тела» и конкретной личности в настоящем; речь идет буквально о перерождении, сопровождаемом экзистенциальной метаморфозой, реперсонификацией.

Мы рассмотрим лишь один аспект данной темы – связь мотивов *реперсонификации и реноминации* персонажа. Имеются в виду встречающиеся в платоновских произведениях ситуации перемены имени, которая предстает либо следствием личностной трансформации, либо, наоборот, ее стимулом.

Стоит напомнить, что тема переименования была близка Платонову автобиографически. Вместо отцовской фамилии Климентов⁴ он принял фамилию, образованную от имени отца и при этом содержащую аллюзию на древнегреческого философа – который предстал как бы «приемным отцом» Платонова (ср. также имя родившегося в 1923 году сына писателя – Платон Платонов). Имя Андрей, «переведенное» с греческого на русский, реализовалось в неоднократно употреблявшемся Платоновым псевдониме Ф. Человеков (см.: Зарайская 2001: 339). Инициал имени здесь перекликается с другим псевдонимом – А. Фирсов (см. там же), который тоже носит «семейный» характер: образован от имени деда по отцу; поэтонимы Фирсов, Фирс фигурируют в платоновских произведениях.

К тому же тема реноминации была актуальна в окружавшей писателя реальности – Платонов, безусловно, видел вокруг себя немало со-

2 Платоновские тексты цитируются в основном по (Платонов 2011–2012) с указанием тома и страницы. Курсив в цитатах мой. – Е. Я.

3 Термин заимствован из работы Н. К. Кольцова *Улучшение человеческой породы* (1922) (см.: Кольцов 1923: 61).

4 Эту фамилию носит герой датируемого началом 1930-х годов рассказа «Товарищ пролетариата», а в 1940-х годах она использовалась Платоновым в качестве псевдонима (см.: Зарайская 2001: 339).

ответствующих примеров. Общеизвестно, что в послереволюционный период ономастика испытала сильное влияние большевистской идеологии. Характерна практика наречения новорожденных «революционными» именами – Троцкий в начале 1920-х годов отмечал:

[...] Новое женское имя Октябрина приобрело уже до известной степени права гражданства. Есть имена Нинель (Ленин в обратном порядке). Называли имя Рэм (революция, электрификация, мир). Способ выразить связь с революцией заключается также и в наименовании младенцев именем Владимир, а также Ильич и даже Ленин (в качестве имени), Роза (в честь Люксембург) и пр. (Троцкий 1923: 58)

Столь же распространенным явлением было переименование взрослых. Например, в подготовительных материалах к книге П. А. Флоренского *Имена* (первая половина 1920-х) содержится цитата из газеты *Известия* от 8 января 1924 года:

В Иваново-Вознесенске на рождественских праздниках стали перекрещиваться: [...] Демидов Петр – Лев Троцкий, Марков Федор – Ким, Смолин Николай – Марат Тендро, Гусев Павел – Лев Красный, Клубышев Николай – Рэм Пролетарский, Уваров Федор – Виль Радек [...] Не только комсомольцы и партийцы «перекрещиваются», но нет отбоя и от беспартийных.

- Товарищ, прошу меня перекрестить.
- Фамилия?
- Дворянкин, беспартийный.
- Как хочешь называться?
- Красный Боец.

(Флоренский 2000: 339; см. также: Селищев 1928: 190; Шпильрейн 1929: 284).

Политический дискурс сочетался с религиозно-мистическим. По мнению М. Я. Геллера (см.: Геллер 1982: 218), Платонов знал неоднократно издававшуюся в 1920-х годах книгу К. Каутского *Предшественники*

наиболее современного социализма (1885), посвященную истории утопических коммунистических учений. Ее влияние заметно в *Чевенгуре*, где образ «солнечного» (3: 214, 281) города заставляет наряду с трактатом Т. Кампанеллы (1623) вспомнить хилиастические движения эпохи Реформации, в частности Мюнстерскую коммуну (см.: Варшавский 1976: 201), созданную анабаптистами – «перекрещенцами» (Каутский 2013: 314), принимавшими новые имена.

Метафизический аспект проблемы углубляется, если учесть богословские споры в России предреволюционных лет – в частности, противостояние «имяславцев» и «имяборцев», повлиявшее на таких авторов, как П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и А. Ф. Лосев, которые в 1910–1920-х годах активно разрабатывали метафизику имени (см.: Безлепкин 2002: 206–239; Лескин 2008: 348–524). Трудно сказать, в какой мере Платонов мог знать соответствующие работы, но можно предположить, что имя Флоренского было ему известно, по крайней мере, в «электротехническом» аспекте. В начале 1920-х годов священник Флоренский служил в техническом отделе Главного электротехнического управления (Главэлектро), напечатал несколько статей по электричеству и выпустил книгу (вернее, ее первую часть) *Диэлектрики и их техническое применение*⁵ (1923). Характерен здесь фрагмент авторского предисловия – вполне в «платоновском» духе:

Технику электричества требуется объем знаний очень широкий, и – не как умственная роскошь, а в качестве предмета первой необходимости. Во время войны была как-то произведена анкета о постановке электротехнического образования, с целью выяснить,

5 Тематически близкий диалог видим в *Техническом романе (Хлеб и чтение)*, где спор Щеглова и Преображенского касается воздействия электричеством на растения для повышения урожайности (2: 509). Ранее эта тема обсуждалась в статье Платонова «Электрическое орошение почвы» (она, как считается, явилась откликом на публикацию В. Г. Корнева (см.: Платонов 2004: 486)), а до этого – в «Рассказе о многих интересных вещах» (1: 360). Стоит вспомнить и эксперименты по «электроорошению», проводившиеся в 1922–1923 годах Воронежским ГЗУ – возможно, по инициативе Платонова (см.: Платонов 2004: 486).

что именно надлежит знать современному электротехнику. Ответ одного из наиболее видных французских специалистов был весьма короток: « В с ё » .

(Флоренский 1924: 5)

С 1925 года Флоренский стал работать во Всероссийском электрохимическом институте, где занимался проблемами передачи энергии на большие расстояния – возглавлявшийся им отдел вел поиски материалов, снижающих потери в электросетях (см.: Трубочев 2012). Не исключено, что Платонов знал публикации Флоренского по электричеству и мог интересоваться его философскими трудами⁶, включая работы по ономотологии⁷. Одной из основополагающих идей для Флоренского является взаимообусловленность онима и экзистенции: «Перемена места в мире, новое онтологическое и мистическое, а отчасти и просто общественное соотношение с миром, влечет за собою *переименование*, или, с иной точки зрения, переименование производит такой перелом в жизни» (Флоренский 2000: 231).

Произведения Платонова свидетельствуют об интересе к теме имени не просто в обыденном, но в философском смысле. Характерен, например, эпизод романа *Чевенгур*:

В семнадцать лет Дванов еще не имел брони над сердцем – ни веры в Бога, ни другого умственного покоя; он не давал чужого имени открывающейся перед ним безымянной жизни. Однако он не хотел, чтобы мир оставался ненареченным, – он только ожидал услышать

6 В платоновском рассказе «История иерея Прокофия Жабрина» присутствует словосочетание «столп и утверждение истины» (1: 49), повторяющее заглавие основного сочинения Флоренского (1914). Впрочем, возможно, что Платонов здесь отсылает непосредственно к Библии (1Тим. 3:15), где таким образом характеризуется Церковь.

7 Напомним также, что в 1927 году в Москве вышла книга А. Ф. Лосева *Философия имени* (1923), притом в течение нескольких лет (1922–1925) на квартире супругов Лосевых собирался имяславческий кружок.

его собственное имя из его же уст, вместо нарочно выдуманных прозваний.

(3: 60)

При подчеркнутой «безрелигиозности» героя характерно его уподобление библейскому первочеловеку: Дванов стремится не просто интуитивно проникнуть в суть вещей, но буквально уловить их язык, ассоциирующийся с божественным словом. Сопоставим фрагмент работы С. Н. Булгакова *Философия имени* (1920?):

Наречия различны и множественны, но язык один, слово едино, и его говорит мир, но не человек, говорит мирочеловек. [...] В этом смысле понятен рассказ кн<иги> Бытия о том, как Бог привел к Адаму всех животных, чтобы видеть «как он назовет их» (Быт. II, 19), т. е. иначе можно сказать, как они сами назовут себя через него и в нем, ибо он как человек, как микрокосм, бытийно всех их имел в себе; как носитель божественного Логоса, как образ Божий, он имел в себе силу идеации мира, в нем рождалось мировое слово. Почему и прибавлено: «И как Адам назвал каждое живое существо, таково было имя его». Здесь не могло произойти никакой ошибки, ибо не было субъективности: имена тварей звучали в человеке как их внутренние слова о себе, как самооткровения самих вещей. И, однако, это именование было не пассивным со стороны человека, он не был только зеркалом вещей, в которое они смотрелись, чтобы узнать себя в идее, в имени своем, но и действием человека, ибо только человек обладает речью.

(Булгаков 1999: 26).

Проблема адекватности имени и означаемой сущности⁸ является, пожалуй, важнейшей у Платонова, обуславливая природу его уникального автопародийно-мифологического языка. Однако в нашей статье

8 Некоторые ее аспекты уже рассматривались в платоноведческих исследованиях (см., напр.: Дмитровская 1991; 2001; 2003).

данная проблема затронута лишь в тех аспектах, которые актуальны в связи с мотивом реноминации.

Этот мотив в платоновских произведениях подчас воплощается в комичных ситуациях, с трудом поддающихся логической интерпретации. Так, в эпизоде романа *Чевенгур* живущий в деревне Ханские Дворики уполномоченный волревкома Игнатий Мошонков переименовал себя в Федора Достоевского, постановив также «предложить всем гражданам пересмотреть свои прозвища – удовлетворяют ли они их, – имея в виду необходимость подобия новому имени» (3: 121). «Прогрессивные» имена должны радикально влиять на их носителей, реноминация мыслится как средство «обновления» личности⁹:

Федор Достоевский задумал эту кампанию в целях самосовершенствования граждан: кто прозывается Либкнехтом, тот пусть и живет подобно ему, иначе славное имя следует изъять обратно¹⁰. Таким порядком по регистру переименования прошли двое граждан: Степан Чечер стал Христофором Колумбом, а колодезник Петр Грудин – Францем Мерингом: по-уличному Мерин.

(3: 121)

Но бюрократическая волокита ставит первопроходцев под угрозу «анонимизации»:

Федор Достоевский запротоколил эти имена условно и спорно: он послал запрос в волревком – были ли Колумб и Меринг достойны-

9 Ср. символические переименования в библейских сюжетах: Аврам/Авраам (Быт. 17:5), Иаков/Израиль (Быт. 32:28; 35:10), Симон/Петр (Мф. 16:18), Савл/Павел (Деян. 13:9) и т. п.

10 В. П. Скобелев отметил параллель с эпизодом романа Артема Веселого *Страна родная* (1925; позже этот текст вошел в состав романа *Россия, кровью умытая*), где один из персонажей «разрабатывал проект о новых революционных фамилиях, которыми и думал в первую очередь наградить красноармейцев, рабочих и советских служащих» (Веселый 1958: 480).

ми людьми, чтобы их имена брать за образцы дальнейшей жизни, или Колумб и Меринг безмолвны для революции. Ответа волревком еще не прислал. Степан Чечер и Петр Грудин жили почти безымянными.

– Раз назвались, — говорил им Достоевский, — делайте что-нибудь выдающееся.

– Сделаем, — отвечали оба, — только утверди и дай справку.

– Устно называйтесь, а на документах обозначать буду пока по-старому.

– Нам хотя бы устно, — просили заявители.

(3: 121)

Экзистенциальная метаморфоза парадоксально обусловлена наличием удостоверения – «перекрещенцы» требуют документально подтвердить совершенный ими акт и лишь тогда готовы приводить свои личности в «соответствие» с новыми именами. Отсутствие же «предварительных» документов – «характеристик» на реальных Х. Колумба и Ф. Меринга – повергает персонажей в «почти безымянность»; не вполне ясно, в каких формах она проявляется, но явно вызывает дискомфорт, поэтому «бывшие» Степан Чечер и Петр Грудин соглашались на «неполное», недокументированное переименование. В итоге у каждого образуется по *два* имени: «письменное» прежнее и «устное» новое. Иррациональность ситуации и в том, что «устное» удостоверение в итоге начинает котироваться наравне с письменным¹¹ – которого, собственно, и добивались «перекрещенцы» из Ханских Двориков. Заметим, что новый оним одного из них, еще не будучи «разрешен», подвергся адаптации в понятном для крестьян смысле, совершилось новое «переименование» – Мерин вместо Меринга.

Еще одна ономастическая коллизия, причем в том же населенном пункте, возникает в связи с неким крестьянином, имеющим «гер-

11 Позже увидим обратную ситуацию – в повествовании об истории чевенгурской коммуны фигурирует документ, объявленный «устным», но парадоксально представленный в письменной форме: «[...] остатки чевенгурской буржуазии не послушались *словесной* резолюции – приказа, *приклеенного мукой к заборам, ставням и плетням*» (3: 250).

мафродитическую» внешность: «длинного тонкого роста, но с маленьким голым лицом и девичьим голосом» (3: 125). Однако его прозвище Недоделанный мотивировано не только этим; гендерной неопределенности соответствует гражданская «неясность»: «Он в малолетстве прибыл откуда-то без справки и документа – и не мог быть призванным ни на одну войну: не имел официального года рождения и имени, а формально вовсе не существовал»¹² (3: 125). Характерно, что и сам персонаж, по-видимому, не знает своего имени и возраста. Такое положение дел приводит к курьезным ухищрениям представителей власти:

Был один секретарь, который ниже всех фамилий написал: «Прочие – 1; пол: сомнительный». Но следующий секретарь не понял такой записи и прибавил одну лишнюю голову к крупнорогатому скоту, а «прочих» вычеркнул абсолютно. [...] Однако недавно Достоевский чернилами вписал его в гражданский список под названием «уклоняющегося середняка без лично присвоенной фамилии» и тем прочно закрепил его существование: как бы родил Недоделанного для советской пользы.

(3: 126)

Мы видим постоянное стремление не наделить крестьянина именем, а, напротив, «прочно закрепить» *отсутствие* имени, зафиксировать маргинальность персонажа, который оказывается на грани «бытийности»¹³ не только социальной, но и антропологической – показательна попытка изменить его «видовую» принадлежность, приобщиив к

12 Подобный мотив имеется в повести *Ювенильное море*, где говорится о категории «невъясненных», к числу которых некоторое время принадлежал Умрищев (2: 354–357) – правда, это не повлияло на его имя.

13 Сравним приводимый Флоренским ономастический курьез времен Великой Французской революции. Суд отказался рассматривать дело некоего де Сен-Сира на том основании, что элементы его фамилии имеют соответственно дворянское, религиозное и монархическое происхождение, а потому «недействительны». В ответ подсудимый заявил, что в качестве «безымянного» является лишь «отвлеченностью», «абстракцией» и, следовательно, неподсуден. В итоге его действительно оправдали, при этом суд постановил: «Гражданину Абстракции предлагается на будущее время из-

животным¹⁴ (вспомним Петра Грудина, прозванного Мерином)¹⁵. Поэтому описание действий Достоевского – «родил Недоделанного» – вследствие буквализации обоих слов окрашено явной иронией.

Не менее колоритны ситуации, когда меняется не имя, а *отчество* персонажа. Рассуждая логически, такое событие («переотчение» – по аналогии с переименованием) должно означать метаморфозу не в «персональном», а в «наследственном» смысле, в плане родовой принадлежности. На этом пути тоже возникают парадоксальные результаты; характерный пример видим в рассказе «Бучило», о герое которого говорится:

Абабуренко Евдоким стал по отчеству именоваться Соломоновичем. Соломоновичем стал он теперь не потому, что роду был иудейского, а потому, что считался нищим, не помнящим родства, сиротой и безотцовщиной. Кроме всего прочего, он одно лето, под

брать себе республиканское имя, если он не желает навлекать на себя дальнейших подозрений» (Флоренский 2000: 206–207).

- 14 Можно усмотреть здесь автопародию на утопические идеи самого Платонова, заимствованные, возможно, из хлебниковского *Ладомира* (1920), – например, герой «Рассказа о многих интересных вещах» поясняет: «Зверь, брат, тоже большевик, но молчит, потому что человек не велит. Придет время вскоре, заговорят и звери, остепенятся и образуются... [...] Теперча еды хватит на всех, и зверя можно ослобонить и присоединить к человеку...» (1: 372). Однако спустя примерно десять лет после *Чевенгура* стремление «отождествиться» с особью крупного рогатого скота будет вполне «серьезно» выражено в рассказе «Корова». Мальчик Вася пишет в сочинении: «Корова отдала нам все, то есть молоко, сына, мясо, кожу, внутренности и кости, она была доброй. Я тоже хочу, чтобы всем людям нашей родины была от меня польза и хорошо, а мне пусть меньше, потому что я помню нашу корову и не забуду» (6: 47–48). При этом обращает на себя внимание «ономастическая» странность, тоже заставляющая вспомнить *Чевенгур*: у коровы в рассказе нет имени – для домашнего животного это нетипично.
- 15 Сходную попытку бюрократического «вторжения» в живую природу встречаем в рассказе «Государственный житель», герой которого полагает, что козла для удобства «можно числить младшим бычком» (1: 156).

самую революцию, местонаходился в услужении у еврея, скупщика костей-тряпок, Соломона Луперденя.

(1: 61)

Пассаж звучит алогично, поскольку несколькими страницами выше, когда речь шла о детстве героя, его нерадивость в учении объяснялась так: «[...] Евдок ждет не дожидется, когда пустят домой. Он горевал по своей маме и боялся, как бы без него не случился дома пожар – не выскочат: жара, ветер, сушь. Уж гудок прогудел – двенадцать часов. Отец домой пришел обедать» (1: 57). Самоочевидно, что герой имел полный «набор» родителей¹⁶, и абсолютно непонятны основания, по которым он может «считаться сиротой».

Видимо, мы должны заключить, что в определенный момент Евдоким претерпел душевный переворот, приведший к разрыву связей с предками (кстати, его настоящее отчество неизвестно). Такое состояние в принципе противоречит идее патронима, и характерно, что новое отчество мыслится как знак «безотцовства» – в сущности, Евдоким принимает «минус-отчество» (абсурдность ситуации усугубляется ссылкой на недолгий «контакт» с неким Соломоном). Сочетание мотива «всемирного» сиротства с еврейским дискурсом¹⁷ – вероятно, вариация образа Агасфера, Вечного Жида, из «утопии-поэмы» А. Л. и В. Л. Гординых *Анархия в мечте* (1919). Здесь в «Страну Анархию» путешествуют пять персонажей: герой-рассказчик, рабочий, женщина, юноша, а также символизируемая Агасфером «угнетенная нация», которая не имеет этнической принадлежности и представлена как

16 Это не единственный парадокс. Например, в середине рассказа сообщается, что Евдоким «изобрел настоящего бессмертного человека» (1: 58), а в финале изображена смерть героя (1: 63–64) – по какой-то причине он не использовал изобретенное «бессмертие» для себя самого.

17 В платоновском дискурсе еврейская тема сочетает семантику «безродности» и «интернациональности». Характерен эпизод *Чевенгура*, где Копенкин, подъехав с Двановым к заставе у Черной Калитвы, вспоминает «звание Розы Люксембург: международный революционер» и по аналогии аттестует себя и спутника: «Мы международные!» – на что «сторожевые мужики» спрашивают: «Евреи, што ль?» (3: 153).

конгломерат разноплеменных изгоев (см.: Гордины 1919: 10–13). Мотив будет продолжен в *Чевенгуре*, где о прочих говорится, что «мучение жизни сделало их лица нерусскими»¹⁸ (3: 286), затем в повести *Джан* (4: 131).

Ономастический парадокс в соединении с еврейской темой возникает еще в одном произведении Платонова – рассказе «Алтеркэ» (6: 84). Переименования в буквальном смысле здесь нет, но вынесенное в заглавие имя героя весьма своеобразно в культурном отношении – прежде всего потому, что, в соответствии с традицией, дается при рождении как *временное* и на определенном этапе подлежит замене:

Если в семье умирает несколько детей, то очередной новорожденный не получает особого имени, но называется «Alter» или «Alterke» – это делается с тем расчетом, чтобы ангел смерти не мог посягнуть на ребенка, не зная его имени¹⁹. Достигнув возраста для вступления в брак, такой человек принимает новое имя, чаще всего одного из библейских патриархов.

(Гессен 1911: 149)

По аналогии с «минус-отчеством» «Соломонович» можно сказать, что оним «Алтеркэ» – который на идише означает *старичок* – представляет собой «минус-имя». Будучи принципиально «детским», оно, в соответствии с семантикой, призвано выполнять магическую функцию – скрывать ребенка, представляя его стариком; в имени Алтеркэ «объединены» начало и конец жизни. Идентифицирующая, индивидуа-

18 Прокофий объясняет по поводу прочих: «Это же интернациональные пролетарии: видишь, они не русские, не армяне, не татары, а – никто!» (3: 286).

19 Сходный обычай в русской среде отмечен в конце XVIII в. автором *Словаря суеверий* (1782) М. Д. Чулковым: «[...] некоторые суеверы при крещении детей дают им другие имена, а первое прилежно таят, веря якобы не ведая первого или подлинного имени, колдун им не может ничего учинить, то есть не может сделать их оборотнями и прочим» (Чулков 1782: 170–171).

лизирующая роль онима заменена на анонимизирующую, обезличивающую, исключаящую носителя из социума²⁰.

В платоновском рассказе имя Алтеркэ не мотивировано с «бытовой» точки зрения – об умерших братьях и сестрах героя не упоминается, Алтеркэ предстает единственным ребенком. Однако в имени героя содержится «зерно» сюжета: услышав, что отец вернется не раньше, чем сам Алтеркэ превратится в старика, мальчик мечтает поскорее стать «старым» (6: 89); затем он утрачивает разум – это ведет к «утрате» возраста и т. д. Не станем углубляться в анализ рассказа (подробнее: Яблоков 2017а), однако очевидно, что своеобразное детское имя обретает в «Алтеркэ» роль символа; этим мотивировано использование онима в качестве заглавия. Кстати, среди платоновских рассказов немало таких, где названием служат имя героя или героини либо несколько имен и/или прозвищ: «Сережка», «Маркун», «Данилок», «Чульдик и Епишка», «Тютень, Витютень и Протегален», «Юшка», «Семен», «Уля», «Никита», «Афродита», «Афоня» и др. Есть рассказы, озагла-

20 Мотив «умаления» человека, «иссякания» его сущности довольно широко распространен в платоновских произведениях. Наряду с неоднократно употребляемым в *Чевенгуре* в отношении прочих словом «никто» (3: 280) отметим эпизоды других произведений, где сами персонажи называют себя (либо их именуют так другие) «ником» или «ничем». В *Котловане* Настя говорит: «Я никто» (3: 459); эту фразу произносят также мальчик-сирота в рассказе «Глиняный дом в уездном саду» (4: 348) и приемная дочь героя в рассказе «Юшка» (4: 524). Сходна реплика героини рассказа «На заре туманной юности» – родственная тема сочетается с экзистенциальной: «Я ничья, я сама себе своя [...]. Меня в люди не принимают!» (4: 494). В пьесе *Шарманка* Евсей внушает Алеше: «[...] ты же – ничто, тебя возглавить надо» (7: 81); позже сам Алеша говорит: «[...] я ничто, меня больше нет на этом организованном свете» (7: 105). В пьесе *Высокое напряжение* Мешков, думающий о самоубийстве, хвастливо сообщает Крашениной: «А вы думали – я уже ничто. Нет, подружка дорогая, – я организационно подготовился» (7: 122). В *Ноевом ковчеге* на вопрос Полигнойса «Что я такое?» Шоп отвечает: «Ничто» (7: 396). Ср. также самохарактеристики Комягина в романе *Счастливая Москва*: «Я вневойсковик, почти ничто» (4: 35); «Я человек ничто» (4: 66). Об экзистенциальных проблемах размышляет и малолетний герой рассказа «Железная старуха»: «– А кто я? – думал Егор и не знал. – Кто-нибудь я тоже есть. Так не бывает, чтобы я был никто!» (6: 100).

ленные именем и отчеством («Иван Митрич», «Мавра Кузьминична»), отчеством в функции имени («Апалитыч»), именем и прозвищем («Иван Жох») и т. д.

Наиболее эффективным является мотив *реиндивидуации*, когда изменение имени, отчества, фамилии героя сопряжено со сменой его личности – буквальным превращением в другого человека. Предпосылку к подобной метаморфозе видим, например, в рассказе «Маркун», герой которого рассуждает: «[...] *ты не только то, что дышишь, бьется в этом теле. Ты можешь быть и Федором, и Кондратом, если захочешь*, если сумеешь познать их до конца, то есть полюбить. Ведь и любишь-то ты себя потому только, что знаешь себя увереннее всего» (1: 244). В рассказе «Иван Жох» герой-рассказчик вспоминает о странствиях по тайге: «Мы так устали, что не ощущали полностью себя, сомневаясь – те ли мы самые, что когда-то были детьми и имели родных матерей; *точно ли звали меня Алексеем – и не обменялся ли нечаянно я на кого-то другого* в трудном, фантастическом пути» (1: 77).

Мотив экзистенциального «исхода» возникает и в *Чевенгуре*, где Яков Титыч испытывает желание стать «другим»:

[...] Он начал чувствовать свое тело как постороннего, второго человека, с которым он скучает целых шестьдесят лет и на которого Яков Титыч стал иметь теперь неутомимую злобу. Сейчас он глядел в поле, где Пролетарская Сила пахала, а Копенкин ходил за ней вслед, и еще больше *хотел забыть себя, скрыться от тоски неотлучного присутствия с одним собой. Он желал стать лошадьё, Копенкиным, любим одаренным предметом, лишь бы потерять из ума свою исчувствованную, присохшую коркой раны жизнь.*

(3: 370–371).

Сходная мысль звучит в размышлениях другого персонажа: «Видя свое лицо в стекле паровозных фонарей, Захар Павлович говорил себе: „Удивительно, я скоро умру, а все тот же“» (3: 46).

Наиболее последовательное развитие мотив реиндивидуации получает в романе *Счастливая Москва*. Отметим, что действие открывается «переименованием» героини, которая, возможно, звалась когда-то Олей, но после перенесенных испытаний «помнила свое имя и раннее детство очень неопределенно» (4: 12). Кроме навсегда запечатлевшейся в ее памяти гибели человека с факелом, информация о героине оказывается не вполне «достоверной», и под новым именем она как бы начинает жизнь сначала:

[...] Уснула и забыла все, что видела потом в другие дни: она была слишком мала, и память и ум раннего детства заросли в ее теле навсегда последующей жизнью. [...] С уснувшей душой, не помня ни людей, ни пространства, она несколько лет ходила и ела по родине, как в пустоте, пока не очнулась в детском доме и в школе. Она сидела за партой у окна, в городе Москве. [...] В детском доме девочка Москва Честнова находилась уже два года, здесь же ей дали имя, фамилию и даже отчество.

(4: 11)

Впоследствии Москву Ивановну Честнову постигает еще одно переименование – хотя, превратившись в Мусю Комягину (4: 87), она меняется все же не столь радикально. Учитывая принципиально важное в романе тождество Москвы-человека и Москвы-города, можно сказать, что героине в принципе свойственна тяга к метаморфозам, соответствующая реализованным в женском образе коннотациям всеединства: «Ей было по временам так хорошо, что она желала покинуть как-нибудь самое себя, свое тело в платье, и стать другим человеком – женой Гунькина, Самбикиным, вневойсковиком, Сарториусом, колхозницей на Украине...» (4: 40).

Тенденция к «смене» личности, распространению ее до «всемирных» масштабов явственна и у эсперантиста Божко. Он пишет: «Люди [...] вырастают другие, прекрасные, только я остаюсь прежним, потому что давно родился и не успел еще отвыкнуть от себя» (4: 16); позже Божко рассуждает: «Надоело как-то быть все время старым природным человеком: скука стоит в сердце» (4: 74).

Особенно подробно разработан мотив реиндивидуации в связи с Семеном Сарториусом. Его метаморфоза начинается с ощущений, подобных состоянию Якова Титыча в *Чевенгуре*: «Он нес свое тело как мертвый вес – надоевшее, грустное, пережитое до бедного конца. Сарториус вглядывался во многие встречные лица; *его томила, как бледное наслаждение, чужая жизнь, скрытая в неизвестной душе*» (4: 96).

Характерно, что эмоции сопровождаются телесными пертурбациями – прежде всего ухудшением зрения (4: 96), метафорически означающим эволюцию «взгляда» на мир, экзистенциальную метаморфозу. Вслед за тем выясняется, что «конституция Сарториуса находится в процессе неопределенного превращения» (4: 96), – меняются как собственно «телесные» показатели, так и психологический склад. Герой стремится к буквальному перерождению²¹:

Бродя по городу далее, он часто замечал счастливые, печальные или загадочные лица и *выбирал, кем ему стать. Воображение другой души, неизвестного ощущения нового тела на себе не оставляло его*. Он думал о мыслях в чужой голове, шагал не своей походкой и жадно радовался пустым и готовым сердцем.

(4: 99)

Намерение перетекает в практическое действие: Сарториус покупает паспорт на имя «Ивана Степановича Груняхина, 31 года, работника прилавка» и вместе с деньгами отдает «свой паспорт двадцатисемилет-

21 Кстати, в период работы над романом, 28 ноября 1933 года Платоновым была написана заявка на пьесу, где своеобразно варьировалась тема экзистенциальной метаморфозы, коллизия личности подлинной и мнимой: «Герой пьесы – человек, потерявший свою сущность в дебрях собственных масок (формах приспособления к действительности для преодоления ее). Он окончательно делается „неодушевленным“ предметом, между тем как благоприобретенные им ложные формы своего существа (маски) сценически объективируются в ролях и действуют самостоятельно. Все это происходит на фоне оптимистической советской действительности и приобретает комический, до степени крайней жалости, эффект. / Герой пьесы, окруженный собственными механистическими подобиями, ищет среди них свою потертую человеческую сущность» (цит. по: Антонова 2011: 590).

него человека с высшим образованием, известного в широких кругах своей специальностью» (4: 102). «*Став вторым человеком своей жизни*» (4: 103), герой буквально перерождается: «его все более *занимает*» (в глаголе актуализировано не столько значение «интересовать», сколько «завладевать, заполнять») «неизвестный человек Груняхин, судьба которого поглощала его» (4: 104). Соответственно меняются жизненные установки персонажа (которого повествователь начинает называть Груняхиным):

Иногда он вспоминал о прошлом бедном тресте весов и гирь, когда он еще был Сарториусом²², – там было грустно и тепло от своего сердца и жены не требовалось; но теперь, став другим человеком, Груняхину нужно было хотя бы искусственное согревание семьей и женщиной.

(4: 105)

О реиндивидуации говорится как о свершившемся факте, и в тексте нет ориентиров, позволяющих уяснить соотношение «я-Сарториуса» и «я-Груняхина», судить о том, остаются ли во втором какие-либо черты первого. Думается, можно сделать вывод, что персонаж *Счастливой Москвы* действительно проходит процесс реиндивидуации²³, осуществляя «на практике» то, о чем, как мы видели, неоднократно задумывались персонажи платоновских произведений.

22 Фамилия инженера, работающего (как сам Платонов в начале 1930-х годов) в тресте весового оборудования (4: 47) и изобретающего кварцевые весы (4: 70–71), «заимствована» у германского концерна «Sartorius», производившего (и продолжающего сегодня производить) подобные устройства. Вместе с тем коллизия *перемены личности* – буквально «перелицовки» – позволяет отнести фамилию Сарториус с заглавием книги Т. Карлейля *Sartor resartus* (1831), по-русски – «*Перелицованный портной*» (см.: Яблоков 2001: 143).

23 В черновиках *Счастливой Москвы* сохранился совет Сарториуса жене, в котором как бы отражен собственный опыт персонажа: «Лучше – ты превратись в кого-нибудь другого, или стань собакой, зверем, чем попало – все равно ведь будешь жить, если самой собой ты быть не можешь и злишься!» (Платонов 1999: 104)

Авторы работ 1920-х годов по философии имени утверждали, что реноминация всегда иллюзорна: «[...] „абсолютное“ переименование невозможно [...] внимательно вглядываясь в личность, в ней можно открыть ее прежнее имя и прежний духовный склад, как бы отчество человека, родившегося от самого себя» (Флоренский 2000: 231). Между тем у Платонова дело обстоит иначе. Вопреки утверждениям, будто «расколотая, но единая большая русская литература» в один голос твердила о невозможности перемены имени и греховности подобных попыток (Корниенко 2013: 20), в *Счастливой Москве* речь идет о перемене не просто имени, но личности, причем этот акт воспринимается лишь как первая стадия к достижению «всеединства» – соответствующий намек звучит в эпизоде вечера в клубе: «Сарториус доказывал, что после классового человека на земле будет жить проникновенное техническое существо, практически работой ощущающее весь мир...» (4: 42).

Мотив реиндивидуации становится еще нагляднее, если учесть, что в романе упомянута и предыдущая экзистенциальная «стадия» персонажа: «Его отцовская фамилия была не Сарториус, а Жуйборода» (4: 41). Перемена никак не объясняется – возможно, герой просто сменил имя с «простонародного» на «городское»; однако в связанном со *Счастливой Москвой* рассказе «Московская скрипка» встречаем фразу, заставляющую подозревать, что этому предшествовал длинный ряд превращений, вроде реинкарнации. Объясняя, почему Сарториус не толкается у кассы, чтобы купить билет на поезд, повествователь говорит: «Ему не хотелось портить сердца – своего и чужого, что *надоело уже в истекших тысячелетиях*» (4: 320).

Роман *Счастливая Москва* не был завершен, но показательны планы Платонова относительно дальнейшей жизни героя. Еще до превращения в Груняхина Сарториус задумывается: «Что я один?! *Стану как город Москва*» (4: 95), – фактически намереваясь «слиться» с заглавной героиней и символизируемым ею всеединством. В «Московской скрипке» читаем: «Земляки из колхоза искали его по осени по всей Москве, но нашли одни слабые признаки Сарториуса в виде справок о его проживании, а живым его нигде не оказалось: он заблудился между людей. Страна его велика и добра» (4: 340). Сущность такого «ис-

чезновения» объяснена в платоновской записи 1935 г: «Сартор<иус> в конце своих перевоплощений убеждается, что для свершения его жизн<енной> задачи и удовлетворения любовью (далее) ему самому необходимо стать Москвой, – и на перевоплощении в нее, в женщину – спасительницу мира, – он кончается и кончается роман» (Платонов 2000: 162). Судя по всему, герой должен был «раствориться» в городе, понимаемом и как совокупность жителей, и как мифологизированный локус с конкретным духовным содержанием, – предполагалось развитие возникшего в *Чевенгуре* мотива слияния в единое «мистическое тело» коммунизма для существования «в общей обоюдности» (3: 274). Если, однако, вспомнить превращение Сарториуса в Груняхина, допустимо предположить более «радикальный» вариант: возможно, Платонов подразумевал буквально межличностную и трансгендерную метаморфозу, «наглядно» демонстрирующую приобщение персонажа к универсальному женскому началу, «мировой душе».

Мотив «обмена личностями» возникает и в более позднем творчестве Платонова – например, в рассказе «Железная старуха». Здесь, хотя и в «наивно»-детском дискурсе, звучит идея экзистенциального «эксперимента». Малолетний Егор беседует с червем: *«Давай я буду тобою, а ты будешь мною [...] Я тогда узнаю, кто ты, а ты станешь как я, ты будешь человеком, тебе лучше будет. [...] Мне надоело быть все Егором и Егором [...] Я хочу быть еще чем-нибудь»* (6: 99). Сравним повесть *Ювенильное море*, где инженер Вермо носит фамилию, которая на языке эсперанто означает «червь», и к тому же стремится проникнуть (посредством бурения) в глубокие подземные пространства – словно на практике осуществил «метаморфозу», предложенную героем «Железной старухи».

С образом мальчика связан и финал рассказа «Фро» – который выделяется среди платоновских произведений тем, что всецело построен на ономастической игре. Ее исходным пунктом является заглавие, выглядящее «немотивированным», если обратить внимание на явную статистическую диспропорцию в употреблении онимов. В тексте под названием «Фро» это именование фигурирует 23 раза (в нарративе са-

мой героини, Федора и, в единичных случаях, повествователя), в то время как узуальный диминутив «Фрося» употреблен *131 раз* – так называют героиню другие персонажи (за исключением мужа) и (почти всегда) повествователь. Кроме того, в «официальных» ситуациях два раза приведена полная форма ее имени с фамилией: Ефросинья Евстафьева (4: 409, 413). Имеется также тезка героини, которая дважды названа Фросей (4: 409–410) и один раз Ефросиньей; фамилия остается неизвестной, поскольку ее владелица по неграмотности ставит вместо подписи «три буквы, похожие на слово „Ева“, с серпом и молотом на конце» (4: 410). Соответственно, каждая из тезок имеет три онима: одна – Ефросинья (Евстафьева) / Фрося / Фро; другая – Ефросинья / Фрося / «Ева».

Обозначенная диспозиция заставляет прежде всего задуматься о соотношении онимов «Фрося» и «Фро». Последний возникает (не считая заглавия) почти в середине рассказа – в сцене танца с диспетчером: героиня называет себя «Фро» (4: 411–412), затем имя звучит в повествовании, ориентированном на точку зрения партнера, которому Фро «представилась» именно так (4: 412). Вскоре имя «Фро» появляется в телеграмме Федора (4: 412) – это наводит на мысль, что оно «семейное», его «авторство» принадлежит Федору и героиня, именуя себя таким образом, «цитирует» мужа. Затем оним возникает, когда она бесцельно бродит вокруг станции, томясь воспоминаниями о муже: «„Ах, Фро, Фро, хоть бы обнял тебя кто-нибудь!“ – сказала она себе» (4: 417), – формально речь идет об «адюльтере», но ситуация обусловлена отсутствием Федора. Далее, имя «Фро» произносит он сам, когда, приехав по телеграмме, видит жену на станции (4: 421). Затем оним несколько раз употребляется в описаниях их общения (4: 422–423) вперемешку с именем «Фрося», однако и здесь заметна тенденция связывать именование «Фро» с точкой зрения Федора. Наконец, оним «Фро» звучит в финале, когда отец сообщает дочери, что Федор уехал и, по-видимому, навсегда: «Как, говорит, *поделает все дела*, так либо сюда вернется, либо тебя к себе выпишет. [...] Он сказал, ты все знаешь; коммунизм,

что ль, или еще что-нибудь»²⁴ (4: 424). Героиня здесь дважды именуется «Фро» в сцене «расставания» с мужем – которое, впрочем, предполагает новую встречу, хотя и в бесконечной перспективе: «Прощай, Федор! Ты вернешься ко мне, и я тебя дождусь!» (4: 425). И все же онимом «Фро» повествование не заканчивается – в последнем абзаце, описывающем встречу с мальчиком, героиня названа Фросей (4: 425).

Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что оним «Фро» связан как с Фросей, так и с Федором и фактически выступает «диминутивом» *обоих* имен (в имени «Фрося» звуковой комплекс «Фро» присутствует непосредственно, а в имени «Федор» – в инвертированном виде). При этом очевидно, что новая «встреча» героев уже *совершилась*: ее «фокусом» является безымянный мальчик с губной гармонией, представляющий двойником Федора на детской фотографии (см.: Жолковский 1994: 385). Заметим, что на ней запечатлены не только малолетний герой, но и служащая фоном «прекрасная жизнь», наивно изображенная на холсте, по поводу которой сказано: «Прекрасная жизнь была в самом этом мальчике» (4: 405). Фразу можно понять в двух смыслах: либо ребенок сам по себе гармоничен и «самодостаточен», либо в нем ощущается столь мощная преобразующая энергия, что он потенциально способен воплотить «прекрасную жизнь» в реальность. Суть рассказа именно в том, что два этих образа бытия – полная «наличная» гармония и «творимая» гармония будущего – персонифицированы в двух главных героях и не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими формами отношений человека с миром.

24 Мотив ухода героя, мечтающего о тотальной «переделке» мира, присутствует в черновой редакции *Чевенгура* – повести *Строители страны*; однако здесь на уходе Дванова (с последующим возвращением) настаивает сама героиня – в ответ на его «вселенски»-преобразовательные мечтания Софья Александровна говорит: «[...] зачем вы все обещаете, а ничего не делаете? [...] Приходите, когда все сделаете» (Корниенко 2019: 181–182). В повести *Епифанские шлюзы* Мери фактически «отправляет» Бертрана в вечное странствие: «Я помню, ты сказала: мне нужен муж, как странник Искандер, как мчащийся Тамерлан или неукротимый Аттила. А если и моряк, то как Америго Веспуччи...» (2: 99).

Федор воплощает революционно-преобразовательную установку, в аспекте которой коммунизм мыслится как «собрание» мира и человечества, осуществленное всеединство. При этом в характере героя, который «чувствовал машинные механизмы с точностью собственной плоти» (4: 413), доминирует не пафос «покорения» природы, а стремление к ее «воскресению» – способность к универсальной эмпатии и «оживлению» неорганического вещества:

Он одушевлял все, чего касались его руки или мысль, и поэтому приобретал истинное представление о течении сил в любом механическом устройстве и непосредственно ощущал страдальческое, терпеливое сопротивление машинного телесного металла. [...] Федор сам превращался на время в микрофараду и в блуждающий ток. Фрося почти видела глазами то, что раньше лишь хотела и не могла понять. Это были такие же простые, природные и влекущие предметы, как разноцветная трава в поле.

(4: 413–414)

Пребывая в родственной «слиянности» с бытием во всех его проявлениях (вспомним в *Счастливой Москве* образ «проникновенного технического существа»), Федор явно подобен безымянному мальчику, чей инструмент – «губная гармония» (4: 413) – своей «воздушной» музыкальностью ассоциируется с «душой мира». Но музыка «бесплотна» – в частности, оттого, что у малолетнего персонажа отсутствует «эротически-телесное», а говоря шире – «расчленяющее», форморазличительное отношение к окружающей реальности: «Музыкант был еще мал, он еще не выбрал изо всего мира что-нибудь единственное для вечной любви, его сердце билось пустым и свободным, ничего не похищая для одного себя из добра жизни» (4: 416). Смысл же деятельности Федора в том, чтобы духовное единство с мировой сущностью осуществилось в материальной форме, через конкретные объекты и явления – он намерен «посредством механизмов преобразовать весь мир для блага и наслаждения человечества» (4: 403). Мироощущение «мальчика» должно быть воплощено «взрослыми» средствами – реализовано основополагающее для платоновской концепции мира представление о революци-

онном развитии как движении *вперед* ради *возвращения* к «детскому» состоянию и воссоздания исконного «райского» бытия (см.: Яблоков 2017б: 159). Обретая в «маленьком госте» (4: 425) образ мужа с детской фотографии, Фрося ощущает в нем всеединство – «узнаёт» в мальчике «человечество, о котором Федор говорил ей милые слова» (4: 425).

Если Федор «уходит, чтобы вернуться», то для «остающейся» Фроси итогом судьбы является приобщение к «детству» не в будущем, а в настоящем. Но весьма характерно, что, несмотря на педалирование натального дискурса («кто в клуб танцевать, кто домой – детей починать!» (4: 410); «музыка играла фокстрот „Мой бебе“» (4: 411); «шла по улице поселка с тяжелой сумкой на животе, как беременная» (4:418); «Фрося хотела, чтобы у нее народились дети» (4: 423)), – в рассказе нет намека на *действительную* беременность героини²⁵. Более того, «сомнительным» кажется даже ее собственное рождение – отец Фроси задается вопросом, который звучит комично: «Как же я ее зачал от жены? Не помню!» (4: 418), – но своеобразно подкрепляет намеченный в рассказе мотив «обратного» рождения. Фрося на восемь лет младше Федора (4: 403, 416); соответственно, с чисто арифметической точки зрения «нисхождение» к его детскому образу означает для самой героини возвращение к «нулевой» точке жизни, утрате «персонального» существования (по аналогии с «духом музыки»). Заметим, что в этом нет ничего уникального, поскольку в платоновском мире мотив символического «отката» персонажа к натальному рубежу (ср. имя подруги Фроси – Наталья) встречается неоднократно (один из характерных примеров – рассказ «Июльская гроза» (см.: Яблоков 2017в: 46)).

Мнимо «инцестуозные» коннотации финальной сцены с мальчиком (см.: Жолковский 1994: 380) ассоциативно подкрепляют его двойничество с мужем героини. Показательно сходство деталей в эпизоде завершающего «бессознательного» свидания с Федором и встречи с ребенком. При «полусонном» общении с мужем «руки ее держали его руку, он поцеловал ее в лоб» (4: 423) – последняя деталь намекает на «бесплотность» отношений. Увидев мальчика, «Фрося [...] села перед

25 Видимо, нет детей и у ее тридцатилетней «рабочей подруги» (4: 409) – по крайней мере, о них не упоминается.

ним на пол, взяла руки ребенка в свои руки и стала любоваться музыкантом» (4: 425), – в глаголе «любоваться», в отличие от «любить», доминирует эстетически-духовная семантика и нет эротических коннотаций. Что касается повторенного жеста «физического» (посредством рук) контакта²⁶ – в первом случае он неосознан (Фро дремлет), а во втором выглядит как «детский»: характерно, что героиня, сидящая на полу, «уравнена» с мальчиком по росту. В психологическом плане «любование» ребенком можно воспринять как проявление материнского инстинкта, но по сути это «сестринское» состояние. Думается, неслучайно полные имена героев рассказа – Федор и Ефросинья – созвучны именам житийных Петра и Февронии, носители которых символизируют идеальное, бестелесное супружество. Показательна и подпись «другой» Фроси – «Ева»: финал рассказа ассоциируется с состоянием мира до грехопадения, а в перспективе намеченных Федором вселенских преобразований – с коммунистическим «искуплением» грехов человечества. Соответственно, *оним* «Фро», «соединяющий» главных героев, предстает как *символ «компромисса» или, точнее, синтеза двух способов достижения «вселенски-детского» мироощущения* – статично-«точечного» слияния и векторно-«кругового» движения, *возвращения*.

Оним «Фро» напоминает существительное *среднего* рода. Подчеркнем, что в заключительной сцене свидания героини с «мужем-мальчиком» закономерно нейтрализуются не только эротические, но и гендерные коннотации. Это вызывает андрогинические ассоциации, которые своеобразно сочетаются с темой музыки. В диалоге Платона «Пир» про андрогинов сообщается, что непосредственное участие в их разделении принимал Аполлон (см.: Платон 1993: 99–100). В рассказе Платонова представлен, по сути, «обратный» сюжет, завершающийся «бесплотным» слиянием мужского и женского начал, – соответственно, актуализированы «аполлинические» черты мальчика-музыканта. Значимо полное имя героини – Ефросинья, намекающее на «родственность» с одной из харит (см.: Жолковский 1994: 387). В мифологической

26 Кстати, Фрося отправляется в клуб, в частности, потому, что «ей хотелось [...] *поддержаться за руки с другими людьми*» (4: 410).

традиции хариты (грации), богини красоты, изящества и вечной юности, не только считались спутницами Афродиты (см.: Гомер 1935: 171, 344), но были связаны с покровителем искусств Аполлоном (см.: Пиндар 1980: 56–57); показательно предание о делосской статуе Аполлона, держащего на ладони трех харит с лирой, флейтой и свирелью в руках (см.: Гаспаров 1980: 415). В платоновском рассказе земная «грация» с «пошлой наружностью» (4: 403) опускается на пол перед маленьким «гармонистом» (4: 425), словно перед божеством.

Резюмируя, зададимся вопросом о возможном источнике звуково-го комплекса «Фро», если абстрагироваться от онима в платоновском рассказе. Приведем лишь одну из версий (высказанную Е. М. Виноградовой), которая кажется убедительной, поскольку имеет отношение к рассмотренным пространственным моделям – мотивам ухода и возвращения, «попятного» движения в детство и т. п. Возможно, что «заглавное» имя соотносится с английским²⁷ фразеологизмом *to and fro* («туда и обратно», «туда-сюда», «взад-вперед»). Слово *fro* – скандинавское заимствование (дублет слова *from*), причем в английском языке оно закрепилось *исключительно* в данном фразеологизме – семантика которого, заметим, близка к платоновской формуле «и так, и обратно» (3: 92, 234, 340), воплощающей идею равноправного сосуществования противоположностей (см.: Яблоков 1999; Яблоков 2001: 70, 220–221).

Правдоподобность версии подтверждается и наличием «английского» онима в более позднем рассказе «Афродита», который также построен на мотиве переименования – Наталья/Афродита (5: 342), причем «новое» имя героини явно похоже на «Фро» (см.: Жолковский 1994: 387). В «Афродите» девушка по имени Евдокия *Ремейко*, отдавшая свои сбережения на строительство электростанции, после пожара предлагает «снова собрать средства и *снова отстроить* погоревшую станцию» (5: 353) – этому абсолютно соответствует ее фамилия, представляющая собой славянизированное английское *remake*: «переделать, сделать за-

27 Вспомним, что английская тема присутствует в повести «Епифанские шлюзы» и рассказе «Война».

ново». Характерно, что, подобно ониму «Фро», фамилия «Ремейко» на-поминает существительное среднего рода²⁸.

Наши наблюдения убеждают в том, что через мотив реноминации проявляются фундаментальные проблемы поэтики Платонова, затрагивающие сущность его языка и философского мышления. Рассмотренные ономастические коллизии по-своему иллюстрируют «релятивность» платоновского слова, амбивалентно сочетающего афористичность и автопародийность – способного выразить глубинную сущность мира, но вместе с тем «внутренне» готового обернуться своей противоположностью.

Литература

- Антонова, Елена (публ.) (2011): «Заявки А. Платонова на киносценарии и пьесы», в: Корниенко, Наталья (ред.-сост.): *«Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества*. Вып. 7. Москва: ИМЛИ РАН, 587–609.
- Безлепкин, Николай (2002): *Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии*. Санкт-Петербург: Искусство–СПБ.
- Булгаков, Сергей (1999): «Философия имени», в: Он же. *Первообраз и образ: сочинения в двух томах*. Т. 2. Роднянская, Ирина (подг. текста, вступ. ст.). Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС / Москва: Искусство, 13–240.
- Варшавский, Владимир (1976): «„Чевенгур“ и „Новый Град“», в: *Новый журнал*, кн. 122, 193–213.
- Веселый, Артем (1958): «Россия, кровью умытая», в: Он же. *Избранные произведения*. Москва: Гослитиздат.

28 С этим перекликается звучащий по ее адресу упрек в пренебрежении «гендерными» функциями: «Что ты, девка, [...] одно приданое в огне прожила, другое суешь туда же: так ты до гробовой доски замуж не выйдешь, так и зачакнешь в перестарках!» (5: 353).

- Гаспаров, Михаил (1980): «Примечания», в: Он же (сост.): *Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты*. Москва: Наука, 387–496.
- Геллер, Михаил (1982): *Андрей Платонов в поисках счастья*. Paris: YMCA-Press.
- Гессен, Юлий (1911): «Имена личные», в: *Еврейская энциклопедия*. Т. 8. Санкт-Петербург: Издание Общества для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз–Ефрон, стб. 140–149.
- Гомер (1935): *Одиссея*. Москва; Ленинград: Academia.
- Гордины, братья (1919): *Анархия в мечте: Страна Анархия. Утопия-поэма*. Москва: 1-й Центральный социотехникум: Временный техникум пропаганды и агитации.
- Дмитровская, Мария (1999): «Об одной группе антропонимов у А. Платонова (Бог, Божко, Божьев, Священный)», в: *Третьи Платоновские чтения*. Воронеж: ВГУ, 18–21.
- Дмитровская, Мария (2001): «Ономастикон Андрея Платонова: Илья», в: *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 2. Москва: Институт славяноведения РАН, 197–200.
- Дмитровская, Мария (2003): «Персонажи георгиевского ряда у Платонова в историко-культурной перспективе», в: *Балтийский филологический курьер*, № 3, 9–52.
- Жолковский, Александр (1994): «Душа, даль и технология чуда: Пять прочтений „Фро“» // Корниенко, Наталья; Шубина, Елена (сост.): *Андрей Платонов: мир творчества*. Москва: Современный писатель, 373–396.
- Зарайская, Валентина (сост.-ред.) (2001): *Андрей Платонович Платонов: Жизнь и творчество: Библиографический указатель произведений писателя на русском языке, опубликованных в 1918 – январе 2000 г. Литература о жизни и творчестве*. Москва: Пашков дом.
- Каутский, Карл (2013): *История социализма: Предтечи новейшего социализма*. Москва: Академический проект.
- Кольцов, Николай (1923) *Улучшение человеческой породы*. Петроград: Время.
- Корниенко, Наталья В. (отв. ред.) (2019): *Архив А. П. Платонова. Книга 2. Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция (2019)*. Москва: ИМЛИ РАН.

- Корниенко, Наталья (2013): «Имя Москвы и Петербурга в русской литературе 1910–1930-х гг. Ч. 2», в: *Культурологический журнал*, № 3 (13), 1–21.
- Лескин, Димитрий (2008): *Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли*. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко.
- Пиндар (1980): <«Хариты»>, в: Гаспаров, Михаил (сост.): *Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты*. Москва: Наука, 56–57.
- Платон (1993): «Пир», в: Он же. *Собрание сочинений в четырех томах*. Под ред. А. Лосева, В. Асмуса, А. Тахо-Годи. Т. 2. Москва: Мысль, 81–134.
- Платонов, Андрей (1999): «Счастливая Москва», в: Корниенко, Наталья (ред.-сост.): «*Страна философов*» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. Москва: Наследие, 9–105.
- Платонов, Андрей (2000): *Записные книжки. Материалы к биографии*. Москва: Наследие.
- Платонов, Андрей (2004): *Сочинения*. Т. 1. Кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН.
- Платонов, Андрей (2011–2012): *Собрание в восьми томах*. Москва: Время.
- Платонов, Андрей (2016): *Сочинения*. Т. 2. Москва: ИМЛИ РАН.
- Селищев, Афанасий (1928): *Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)*. Москва: Работник просвещения.
- Троцкий, Лев (1923): *Вопросы быта: эпоха «культурничества» и ее задачи*. Второе издание. Москва: Красная новь.
- Троцкий, Лев (1924): *Литература и революция*. Второе издание. Москва: Государственное издательство.
- Трубачев, Андроник (2012): *Творчество отца Павла Флоренского было укоренено в Православии* (<https://foma.ru/tvorchestvo-otcza-pavla-florenskogo-byilo-ukoreneno-v-pravoslavii.html>, 2.10.2021).
- Флоренский, Павел (1924): *Диэлектрики и их техническое применение*. Ч. 1. Москва: РИО Главэлектро ВСНХ.
- Флоренский, Павел (2000): «У водоразделов мысли», в: Он же. *Сочинения в четырех томах*. Трубачев, Александр (Андроник, ред.). Т. 3 (2). Москва: Мысль.